

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6

doi: 10.17223/1998863X/77/19

СОЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И РЕГИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

Анна Алексеевна Русанова¹, Виктория Николаевна Лаврикова²,
Елена Владимировна Филиппова³

^{1, 2, 3} Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

¹ rusanova_a_a@mail.ru

² victoriy.lavric@mail.ru

³ e.v.filippova@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема социального самоопределения студенческой молодежи и влияния на этот процесс региональной идентификации. На материалах социологического исследования авторы показывают направленность и основные векторы социального самоопределения студенческой молодежи Забайкальского края с учетом формирования новой региональной идентичности, обусловленной изменениями в экономической, политической, культурной и социальной сферах региона после вхождения данного субъекта Российской Федерации в состав Дальневосточного федерального округа.

Ключевые слова: студенческая молодежь, региональная идентичность, социальное самоопределение, региональная самоидентификация

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31524.

Для цитирования: Русанова А.А., Лаврикова В.Н., Филиппова Е.В. Социальное самоопределение и региональная самоидентификация студенческой молодежи Забайкальского края // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 226–240. doi: 10.17223/1998863X/77/19

Original article

SOCIAL SELF-DETERMINATION AND REGIONAL SELF-IDENTIFICATION OF STUDENTS OF THE TRANS-BAIKAL TERRITORY

Anna A. Rusanova¹, Vicotriya N. Lavrikova², Elena V. Filippova³

^{1, 2, 3} Transbaikal State University, Chita, Russian Federation

¹ rusanova_a_a@mail.ru

² victoriy.lavric@mail.ru

³ e.v.filippova@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of social self-determination of student youth and the influence on this process of regional identification caused by the entry of the Trans-Baikal Territory into the Far Eastern Federal District. The authors present the results and

conclusions of a questionnaire survey of students of Trans-Baikal universities conducted within the framework of a large-scale sociological project “Social Self-Determination of Youth in the Formation of a New Regional Identity (Based on the Materials of the Trans-Baikal Territory and the Republic of Buryatia)”. The project is based on the idea of the interrelation between two scientific categories – “regional identity” and “social self-determination”. Moreover, regional identity is considered not only as a traditionally and historically grounded territorial and cultural identification, but as an artificially created geographical, economically conditioned territorial reality, which originates from November 4, 2018, when the Trans-Baikal Territory and the Republic of Buryatia were transferred from the Siberian Federal District to the Far Eastern Federal District by the Decree of President Vladimir Putin. The authors understand social self-determination as the inclusion of a person in all spheres of society, a person’s awareness and achievement of a stable position in the system of social relations. The components of social self-determination of student youth were identified: socio-professional self-determination, socio-political self-determination and socio-cultural self-determination within the framework of the studied missile defense. The analysis of the survey results allowed the authors to determine: (1) the most typical professional and motivational profiles and strategies of professional self-determination of Trans-Baikal students; (2) political orientations and attitudes of Trans-Baikal student youth in socio-political self-determination; (3) value orientations and life position in socio-cultural self-determination. The authors used the method of “layer proximity” identifying the level of regional identification of students of Trans-Baikal universities. The analysis of the identification profiles of the interviewed students showed that the new regional reality (*I am a Far Easterner*), artificially created for certain state purposes, has not yet entered the consciousness of the student youth and is not perceived by them as “close” and “native”. But in fact this is a strategic level of regional identity associated with the construction of a new regional image, the positioning of a new territorial entity, the invention of new territorial traditions and the formation of a new symbolic policy.

Keywords: student youth, regional identity, social self-determination, regional self-identification

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, Project No. 21-011-31524.

For citation: Rusanova, A.A., Lavrikova, V.N. & Filippova, E.V. (2024) Social self-determination and regional self-identification of students of the Trans-Baikal territory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 226–240. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/19

Введение

Забайкальский край в 2018 г. вошел в состав Дальневосточного федерального округа (ДФО). Это событие стало во многом поворотным в жизни этого региона с точки зрения формирования новых социально-экономических, социально-политических и социокультурных условий. Данный субъект России сам по себе достаточно специфичен, и с точки зрения географического положения (соседствует с Монголией и Китаем), и особой забайкальской ментальности, и этнонационального и этнокультурного своеобразия. В этом смысле вопросы формирования новой региональной идентичности в условиях вхождения Забайкалья в ДФО представляется весьма актуальной и востребованной темой для научного изучения. Особый научный интерес, на наш взгляд, представляет личностный уровень идентичности, т.е. те процессы, которые происходят в сознании и жизни людей, проживающих на территории региона в новых условиях.

Теоретическая модель исследования, в первую очередь, основывается на социально-психологических и социологических теориях самоопределения:

субъектный подход (самодетерминация) [1, 2], типологический подход [3–5], личностный подход [6–8], самоопределение как аспект самосознания [9], теории идентичности [10, 11] и др.

Как научная категория понятие «самоопределение» является объектом исследования различных наук: философии, психологии, социологии, педагогики и др. В социологии самоопределение личности трактуется как «понимание или детерминация субъектом своей собственной природы или основных свойств; сознательный акт выявления и утверждения собственной позиции в проблемных ситуациях...» [12]. В психологии под самоопределением понимают «самостоятельный этап социализации, внутри которого индивид приобретает готовность к самостоятельной, созидательной деятельности на основе осознания и соотнесения „хочу-могу-есть-требуют“ и становится способным принимать самостоятельно решения относительно важных целей, имеющих смысл для него и значение для общества» [13]. Говоря о самоопределении личности, российский социолог В.А. Ядов подчеркивает важность междисциплинарного подхода к определению данной дефиниции. Исследователь отмечает: «...работы социологов показывают нам, насколько велико значение в структуре ценностно-нормативного сознания и в определении жизненных путей индивидов общесоциальных и конкретных условий их жизнедеятельности. Но из этих работ мы почти ничего не узнаем о воздействии на этот процесс собственной активности индивидов. Исследования же психологов, наоборот, показывают, сколь велика роль индивидуально-психических особенностей в регуляции и саморегуляции поведения личности...» [14. С. 72].

Вопрос идентичности личности также является многогранной проблемой. Современные науки говорят о гендерной, половой, сексуальной, этнической, национальной, профессиональной, культурной, цивилизационной, групповой и эго идентичности. В социологии идентичность связана, прежде всего, с усвоением социальных норм, ценностей, идеалов той группы, к которой принадлежит конкретный человек. Социологи выделяют два уровня идентичности: индивидуальный и социальный [15, 16].

Понятие «региональная идентичность» является междисциплинарным и включает в себя философский, социологический, политический, экономический, географический и другие аспекты изучения. Каждая наука изучает региональную идентичность при помощи как общенаучного, так и собственно методологического и инструментального аппарата.

В настоящее время региональная идентичность имеет несколько аспектов исследования. Региональная идентичность как элемент политического управления и ее зависимость от уровня экономического, политического культурного развития региона раскрываются в работах З.А. Жаде и Е.В. Головной [17, 18]. Региональная идентичность как разновидность этнической представлена в работах профессора В.А. Ачкасова [19]. Т.Н. Кувенева, А.Г. Мананов отождествляют региональную идентичность с национальной [20], Ю.Г. Чернышов и К.В. Киселёв связывают данное понятие с имиджем конкретного региона [21].

Следует отметить следующее: всесторонний анализ научной литературы показал, что в настоящее время не существует исследовательских работ, отражающих взаимозависимость и взаимопроникновение таких научных кон-

цептов, как «региональная идентичность» и «социальное самоопределение». Данное обстоятельство обуславливает теоретическую и практическую значимость заявляемой темы исследования и его научную новизну. Кроме того, научная новизна заключается и в обосновании необходимости введения в контекстуальный оборот понятия «новая региональная идентичность», под которой понимается искусственно созданная регионально-территориальная реальность, связанная с целью формирования центров геополитических, экономических и социальных процессов.

Методы и материалы

Авторское исследование представляет собой масштабный социологический проект как по временным рамкам, так и по комплексу исследовательских методов. Предполагается осуществить социально-статистический анализ современной ситуации в Забайкальском крае («Разворот на восток») с целью выявления объективных характеристик регионов и динамики регионального развития в новых социально-политических условиях вхождения в состав ДФО; провести экспертный опрос представителей органов власти (законодательной и исполнительной), бизнеса, институтов гражданского общества, СМИ, научного сообщества на предмет выявления структуры региональной идентичности влияния на нее объективных характеристик региона; организовать опросы разных групп молодежи (методом анкетного опроса и фокус-групповых методик) с целью выявления факторов и основных векторов социального самоопределения молодых забайкальцев с учетом формирования новой региональной идентичности, обусловленной изменениями в экономической, политической, культурной и социальной сферах региона после вхождения в ДФО.

В данной статье представлены результаты и выводы первого эмпирического этапа проекта: анкетного опроса студенческой молодежи забайкальских вузов. Исследование было проведено в октябре–ноябре 2021 г. Объем выборки составил 1 300 человек. Тип выборки: репрезентативная многоступенчатая, стратифицированная, целенаправленная. Методика проведения: анкетный опрос по технологии фокусированного интервью face-to-face.

Структурно инструментарий (анкета) был представлен следующими блоками: социально-профессиональное самоопределение, социально-политическое самоопределение, социокультурное самоопределение. Каждый блок в свою очередь предполагал наличие когнитивного, оценочного, мотивационно-деятельностного компонентов.

Выявление региональной идентификации и самоидентификации предполагало латентный подход, т.е. по типу косвенных вопросов, которые были включены в блоки анкеты. Формулирование вопросов осуществлялось в опоре на подход к определению региональной идентичности Д.С. Докучаева: «Региональная идентичность человека отчетливо проявляется на двух уровнях: личностном (соотнесении „самости“ человека с „genius loci“ региона: интеллектуальными, духовными, эмоциональными и другими явлениями и их материальной средой) и социальном (осознании человеком своей принадлежности к региональному сообществу, представления о тождественности и целостности которого формируются в рамках социального взаимодействия)» [22. С. 9]. Был также применен подход измерения «слоевой близости» через

концепт «Мы и другие» Н.И. Лапина [23]. Обработка и анализ первичной социологической информации проводились с помощью IBM SPSS Statistics Professional 20.

Результаты

Социальное самоопределение предполагает включение человека во все сферы общества, осознание и достижение личностью стабильной позиции в системе социальных отношений. Трудовая сфера и выбор профессии являются одной из главных сфер жизнедеятельности, ибо кадрово-профессиональная структура – одна из основ стратификации общества. Проанализировав значимость профессионального образования для студенческой молодежи, мы проанализировали наиболее типичные профессионально-мотивационные профили забайкальских студентов: 1-е место – материальное благополучие и безопасность; 2-е место – признание и приобщенность к социальной группе; 3-е место – карьера и повышение своего статуса в глазах окружающих; 4-е место – самореализация, удовлетворение своих духовных потребностей.

При выборе той или иной специальности опрошенные респонденты традиционно опирались на советы близких и родных (21%), а также друзей и знакомых (25%). Самостоятельный выбор будущей профессии определялся респондентами возможностью достичь высокого положения в обществе (15%); востребованностью профессии обществом (13%); заинтересованностью в самой профессии (9%); высокой оплатой труда по данной профессии (5%).

Лишь половина опрошенной молодежи имеет более или менее четкие представления относительно своей будущей профессии (46%). Тем не менее, отвечая на вопрос «Если бы перед вами снова стоял выбор специальности, то вы...», более половины респондентов выбрали бы эту специальность снова (53%), лишь около 20% опрошенных выбрали бы другую, а вот сомневающихся по этому поводу достаточно много – 27%.

Мотивы выбора профессии забайкальскими студентами представлены на рис. 1.

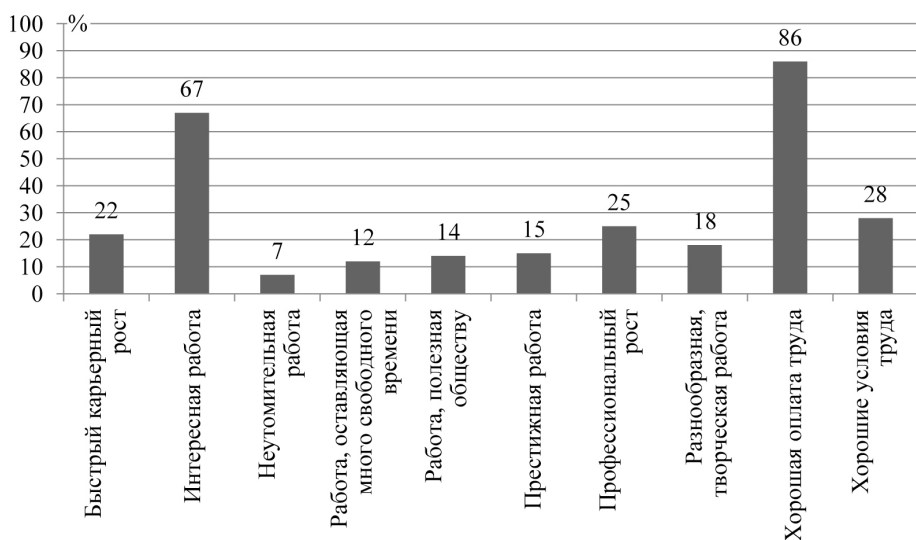

Рис. 1. Мотивы выбора профессии забайкальскими студентами

Еще один немаловажный аспект проблемы профессиональной мотивации и предпочтений студенческой молодежи – это работа по профессии после окончания вуза. Как показал опрос, только 43% опрошенной молодежи намерены в дальнейшем работать по специальности.

Не менее показательным в оценке профессионального самоопределения молодых забайкальцев является то, что только 23% респондентов уверены, что будут работать в Забайкальском крае, а 74% опрошенных надеются найти свое место в профессиональной сфере за пределами родного региона (остальные 3% затруднились определить свою позицию). Так, 31% опрошенных респондентов хотели бы уехать за границу на стажировку или учебу, а 49% – работать за границей. Данные устремления студентов вполне оправданы. Они хотят не только улучшать свое мастерство, но и больше зарабатывать, продвигаться по службе, а это, по их мнению, не очень достижимо в нашем регионе и даже стране. Свои надежды в этом направлении они в большей степени связывают со странами дальнего зарубежья.

В структуре социального самоопределения важную роль играет и социально-политическое самоопределение, которое тесно связано с понятием социальной активности. В условиях социальной нестабильности, трансформации традиционных институтов социального самоопределения молодежь оказывается в активном поиске путей самореализации и удовлетворения собственных притязаний и амбиций. В качестве таковых, чаще всего, молодые люди выбирают участие в общественной деятельности. Опрос подтвердил, что каждый второй молодой забайкалец (50%) считает себя общественно активным человеком, а 80% молодых людей приходилось принимать участие в какой-либо общественной деятельности. Отношение молодежи к общественной работе представлено на рис. 2.

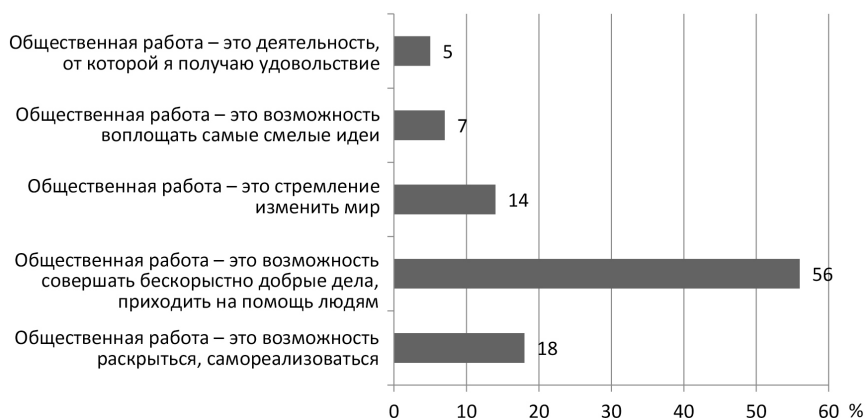

Рис. 2. Отношение опрошенной молодежи к общественной работе

Выявляя социально-политические ориентации с точки зрения когнитивной составляющей, мы постарались выяснить, насколько студенчество интересуется политикой, откуда черпает информацию и как ее оценивает. Результаты опроса показали, что большинство студентов (43%) политикой интересуются изредка. Постоянно следят за политическими событиями в стране и за рубежом – 12%, 7% респондентов ответили, что они обсуждают эти события с друзьями и родственниками и лишь 5% студентов заявили, что

являются активными участниками политических партий, движений. Весьма высок процент политически индифферентных, т.е. тех, кто совершенно не интересуется политикой, – 33% (рис. 3).

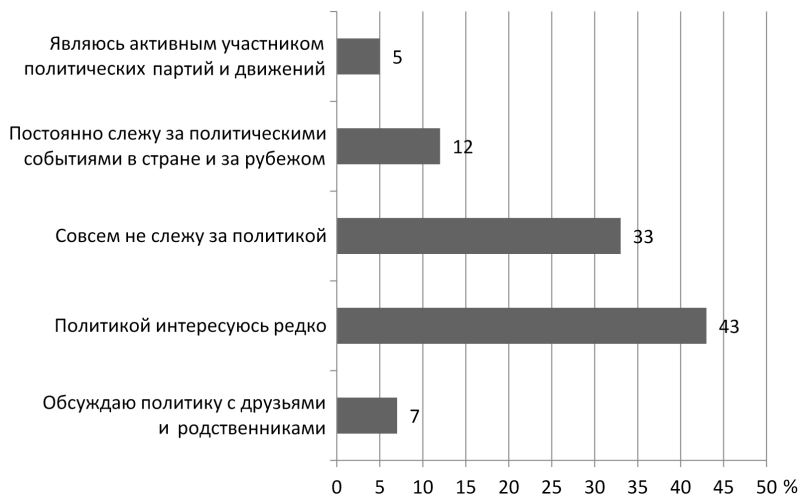

Рис. 3. Отношение студентов к политике

Главным источником информации о политике для молодежи являются СМИ. Самый высокий рейтинг у Интернета – 94%, далее телевидение – 58%, радио – 17%, газеты и журналы – 9%.

С точки зрения оценки социально-политического самоопределения в его когнитивном аспекте, следует обратить внимание и на тот факт, что «у студентов не существует четкой системы знаний в отношении политической действительности, их представления о политике размыты, неточны и представляют собой лишь набор некоторых базовых понятий и определений, которые в большей степени связаны не столько с политикой, сколько с общественным устройством и общественным развитием в целом» [24. С. 97]. Так, более или менее четкие представления о демократии, коммунизме, либерализме, тоталитаризме продемонстрировали только 15% опрошенных.

Не в полной мере студенты ориентируются и в социально-политической сфере жизни своего региона. Лишь 13% опрошенных знают о том, что Забайкальский край вошел в состав Дальневосточного федерального округа, 52% что-то слышали об этом, а остальные 35% респондентов ничего не знают о данном факте и не смогли ответить на этот вопрос (рис. 4).

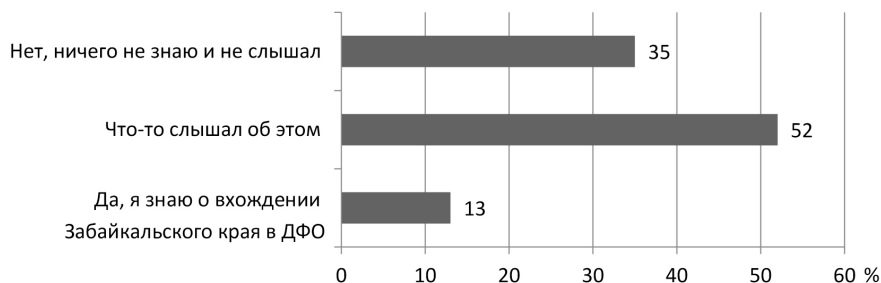

Рис. 4. Информированность студентов о вхождении Забайкальского края в ДФО

Как показал опрос, больше половины опрошенных студентов (55%) ставят отрицательную оценку действиям власти в отношении молодежи, а 49% не чувствуют защиты своих интересов со стороны государства. В то же время студенческая молодежь отмечает важность взаимодействия молодых людей и власти (76%).

Выборы для большинства молодых забайкальцев – форма участия граждан в политической жизни общества (59%). Чуть больше трети респондентов определяют для себя выборы как «мой долг!» (32,5%). Однако почти каждый пятый студент считает, что это формальная процедура с заранее известным результатом (19%) (рис. 5). Недоверие выборам, бессмысленность этого политического мероприятия являются для 85% респондентов основной причиной неучастия молодежи в выборах (рис. 6).

Рис. 5. Представления студенческой молодежи о выборах

Рис. 6. Причины неучастия молодежи в выборах

Базовой основой социального самоопределения и всех его структурных элементов (профессионального, гражданского и политического самоопределения) является ценностно-смысловая сфера личности. Опрос показал, что у студенческой молодежи доминирующими являются терминальные ценности. На первые места в рейтинге студенты ставят семью 59%, любовь 54% и дружбу 53%. Здесь сказываются специфические черты возрастного периода – периода романтических чувств, поиска близкого человека, мечтаний о счастье, которое ассоциируется со стабильной и крепкой семьей, верой в настоящую дружбу. В верхней позиции рейтинга ценностей и материальная ориентация: деньги как ценность выделяют 42% опрошенных. Стереотипы мышления в достижении жизненного успеха проявляются в честолюбивых устремлениях к самореализации (27%), карьере (24%), свободе (21%), справедливости (18%).

Наиболее ярко прослеживаются ценностные ориентации в главной цели жизни человека как наиболее четкой установке, демонстрирующей его уверенность в себе и отношение к действительности. Так, 58% забайкальских студентов ответили утвердительно на вопрос о наличии такой цели. В то же время 30% респондентов затруднились с ответом, демонстрируя тем самым факт несложившегося ясного представления о своем будущем, желаниях. Существенная часть молодых людей испытывает уверенность в реализации жизненных планов (94%), из них 46% твердо уверены в достижении своих личных планов, а более или менее уверены – 48% респондентов.

Данные, полученные при выявлении базовых определяющих установок жизненной цели (респондентам было предложено выбрать не более трех утверждений, наиболее близко отражающих их главную цель), представлены на рис. 7.

Рис. 7. Главная цель в жизни для студенческой молодежи

Противоречивость и неопределенность ценностных ориентаций студентов косвенно нашли отражение и в ответах на вопрос, в котором необходимо было выбрать утверждение, наиболее полно отражающее жизненную позицию респондентов (рис. 8).

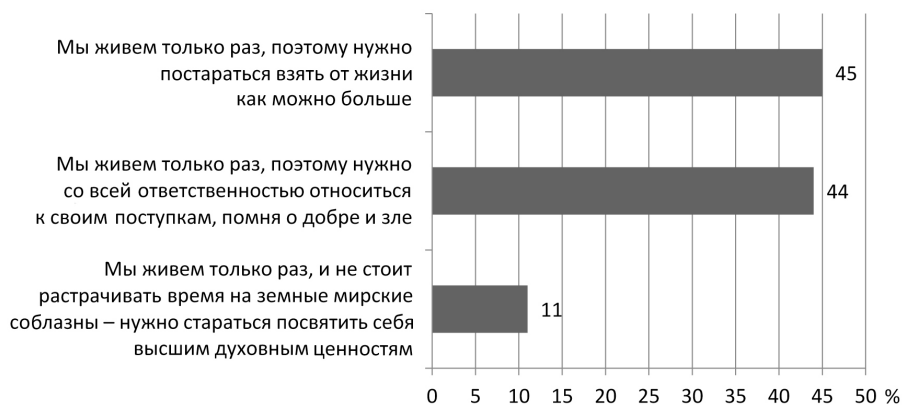

Рис. 8. Жизненная позиция студенческой молодежи

Как видно из рис. 8, полученные результаты достаточно ярко демонстрируют парадоксальность и неопределенность ценностных ориентаций студенчества. С одной стороны, группа студентов, ориентированная на традиционные моральные и гражданские ценности, а с другой – на ценности «нового» общества, стереотипы мышления западного толка по типу «все и сразу». Указанные основания являются причинами противоречивости как группового, так и индивидуального поведения студенческой молодежи.

В то же время необходимо отметить, что в студенческой среде достаточно высок уровень социального оптимизма: в целом забайкальские студенты смотрят в будущее «с надеждой и оптимизмом» – 56%; «спокойно, но без особых иллюзий» – 28%; «с тревогой и неуверенностью» – 10%; «со страхом и отчаянием» – 3%; безразлично – 3%. Уверены, что Россия идет «безусловно в правильном» и «скорее в правильном» направлении 65% респондентов (20 и 45% соответственно).

На вопрос «Гордитесь ли вы своей страной?» утвердительно ответили 68% опрошенных студентов, а вот гордятся своей малой Родиной – Забайкальским краем – лишь 31% студентов, у 46% опрошенных Забайкалье не вызывает чувства гордости; 49% респондентов (почти половина!) «скорее не довольны» и «безусловно, не довольны» положением дел в Забайкальском крае (36 и 13% соответственно). При этом те же 49% считают, что ситуация в крае «безусловно улучшается» и «скорее улучшается» (26 и 23% соответственно).

Вопрос о перспективах вхождения Забайкальского края в ДФО и влиянии данного процесса на жизнь региона вызвал затруднения у большинства опрошенных студентов (рис. 9). Для установления идентификационных профилей студенческой молодежи им предлагалось идентифицировать себя и определить свое внутреннее ощущение близости с такими понятиями, как «Я – человек» (планетарный уровень), «Я – россиянин» (государственный уровень), «Я – забайкалец» (региональный уровень), «Я – дальневосточник» (региональный уровень – новая региональная реальность), «Я – житель своего поселения (города, поселка, села)» (поселенческий уровень), «Я – студент» (профессиональный уровень), «Я – сын/дочь» (личностный уровень), «Я – друг/подруга» (личностный уровень) (рис. 10).

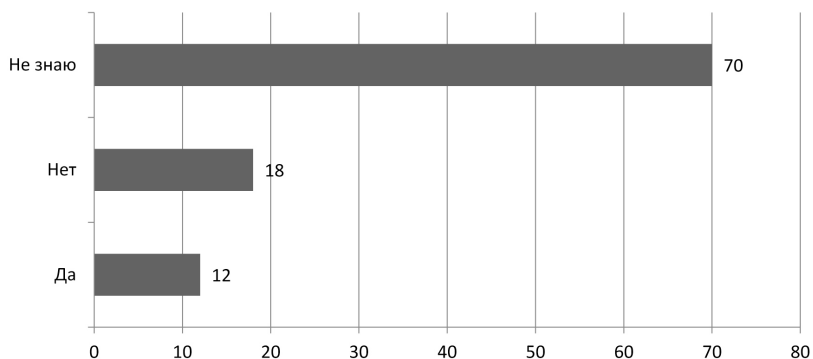

Рис. 9. Информированность студентов о возможностях для молодежи в связи с вхождением Забайкальского края в ДФО

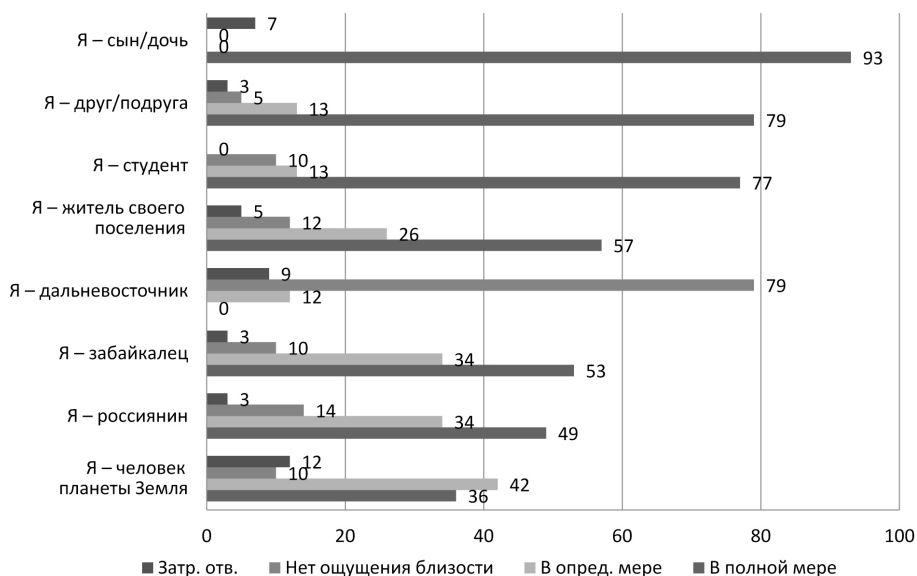

Рис. 10. Идентификационные профили студентов

Как видно из рис. 10, наиболее актуальной для студенческой молодежи является близость личного характера (микросреда). На втором месте – мезосреда, т.е. близость с территорией проживания. На третьем месте – общечеловеческая близость (макросреда). Отдельно следует выделить позицию регионального уровня «Я – дальневосточник». Данная позиция отражает искусственно созданную территориальную среду, которая, судя по результатам опроса, не воспринимается молодыми людьми как «своя», «близкая».

Выводы

Анализ результатов социологического исследования социального самоопределения студенческой молодежи в условиях формирования новой региональной идентичности позволил сделать следующие выводы.

1. Социальное самоопределение, которое предполагает включение человека во все сферы общества, во многом определяется профессиональным самоопределением и степенью эффективности этого процесса. Представленные

данные эмпирически подтверждают наличие трех типов стратегии профессионального самоопределения [25] студентов забайкальских вузов:

1) группа конкретного типа стратегии профессионального самоопределения: студенты, для которых образование есть важнейшая ценность и важнейшая составляющая их профессиональной самореализации;

2) группа промежуточного типа стратегии профессионального самоопределения: студенты, для которых образование есть инструмент или старт для создания собственного дела, коммерческого предприятия и т.п.;

3) группа абстрактного типа стратегии профессионального самоопределения: неопределившиеся студенты, отличающиеся отсутствием ясности относительно своей будущей профессии и области применения полученных знаний. Главная цель для них – получение диплома о высшем образовании, необходимость которого они даже не могут аргументировать.

2. Политические ориентации и установки забайкальской студенческой молодежи характеризуются фрагментарностью и размытостью, что является результатом дисфункциональности и неопределенности политического самоопределения, обусловленных последствиями радикальной структурной трансформации социально-экономических и социально-политических отношений.

3. Результаты опроса демонстрируют противоречивость и неопределенность ценностных ориентаций забайкальских студентов, что обусловлено состоянием, в котором находится общество. В условиях социальных трансформаций у молодежи, наряду с традиционными, проявляются и формируются новые ценностные ориентации.

4. Достаточно большая группа забайкальских студентов не связывают свои планы на будущее с проживанием в регионе. Латентно миграционные настроения могут демонстрировать слабые связи с региональным сообществом у большинства молодых забайкальцев. В то же время выявленная близость с определенными социальными кругами демонстрирует достаточно высокий уровень локальной региональной идентификации студентов. Новая региональная идентичность (Я – дальневосточник) еще не вошла в сознание забайкальской студенческой молодежи, не воспринимается ими как «близкая» и «родная». Среди причин ее несформированности можно выделить недостаточное позиционирование таковой, слабую осведомленность забайкальских студентов о социально-экономических, социально-политических процессах, обусловленных вхождением Забайкальского края в ДФО.

5. На наш взгляд, необходим особый политический курс по конструированию позитивного регионального имиджа, формированию региональных амбиций, практическому использованию региональной идентичности, что, несомненно, будет способствовать решению чисто прагматичных задач региональной власти: формированию инвестиционной привлекательности, улучшению социального климата, сокращению утечки человеческого капитала [26].

Перспективы дальнейших исследований заявленной темы обусловлены включением в анализ, помимо студентов, более широкого круга субъектов молодежной группы (школьники, работающая молодежь), а также потенциала реализации Государственной программы «Развитие Дальнего Востока» и мероприятий по реализации национальных проектов по достижению нацио-

нальных целей и стратегических задач в таком регионе с особой ментальностью и этнонациональным и этнокультурным своеобразием, как Забайкалье.

Список источников

1. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1973. 358 с.
2. Абульханова-Славская К.А. Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни. М. : Наука, 1987. С. 137–145.
3. Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности. Тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырея. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 55–59.
4. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / под ред. В.С. Жекулина ; вступ. ст. Р.Ф. Итса. 3-е изд., стер. Л. : Гидрометеиздат, 1990. 526 с.
5. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. Г.Ф. Швейника; общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича. Москва: Прогресс, 1990. 269 с.
6. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб. : Питер, 2008. 398 с.
7. Кон И.С. Открытие «Я». М. : Политиздат, 1978. 367 с.
8. Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. 1988. № 2. С. 19–27.
9. Столин В.В. Самосознание личности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 284 с.
10. Mead G.H. Mind, Self and Society. Chicago : University of Chicago Press, 1934.
11. Эриксон Э. Детство и общество. 2-е изд., перераб. и доп. : пер. с англ. СПб. : Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.
12. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / редактор-координатор академик РАН Г.В. Осипов. М. : НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА), 2000. URL: <http://politics.ellib.org.ua/encyclopedia-term-4932.html> (дата обращения: 15.03.2023).
13. Сафин В.Ф., Ников Г.П. Психологический аспект самоопределения личности // Психологический журнал. 1984. Т. 5, № 4. С. 65–73.
14. Ядов В.А. Становление личности: общественное и индивидуальное // Социологические исследования. 1985. № 3. С. 66–74.
15. Hogg M., Reid S. Social Identity, Self-Categorization, and the Communication of Group Norms // Communication Theory. 2006. № 16. P. 7–30.
16. Poletta F., Jasper J. Collective Identity and Social Movements // Annual Review of Sociology. 2001. № 27. P. 285.
17. Жаде З.А. Россия в поисках региональной идентичности // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 6. С. 58–67.
18. Головинёва Е.В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 81–88.
19. Ачкасов В.А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» // Политэкс: Политическая экспертиза. 2005. №1. С. 68–82.
20. Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7 (231). С. 77.
21. Чернышов Ю.Г. Имидж региона и региональная идентичность (на примере Алтайского края) // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2011. № 5. С. 105–112.
22. Докучаев Д.С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново : ИГУ, 2011. 24 с.
23. Латин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М. : ИФ РАН, 2010. 111 с.
24. Калугина М.А. Политическое сознание современной студенческой молодежи малых и средних городов Дальнего Востока России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 2 (13). С. 95–102.
25. Бухнер Н.Ю. Типы профессионального самоопределения студентов вузов Алтайского края (опыт социологического исследования студентов АлтГУ) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Барнаул, 2010. 24 с.
26. Русанова А.А., Лаврикова В.Н., Филиппова Е.В. Новая региональная идентичность (на примере вхождения Забайкальского края и республики Бурятия в ДФО) // Академическая наука как фактор и ресурс инновационного развития : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Петроза-

водск, 6 декабря 2021 года. Петрозаводск : Междунар. центр науч. партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2021. С. 121–127.

References

1. Rubinshtein, S.L. (1973) *Chelovek i mir* [Man and the World]. Moscow: USSR.
2. Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (1987) Zhiznennye perspektivy lichnosti [Life prospects of the individual]. In: Shorokhova, E.V. et al. (eds) *Psikhologiya lichnosti i obraz zhizni* [Personality Psychology and Lifestyle]. Moscow: Nauka. pp. 137–145.
3. Spranger, E. (1982) Osnovnye ideal'nye tipy individual'nosti [Basic ideal types of individuality]. In: Gippenreyter, Yu.B. & Puzyreya, A.A. (eds) *Psikhologiya lichnosti. Teksty* [Personality Psychology]. Moscow: Moscow State University. pp. 55–59.
4. Gumilev, L.N. (1990) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. 3rd ed. Leningrad: Gidrometeoizdat.
5. Fromm, E. (1990) *Begstvo ot svobody* [Flight from Freedom]. Translated from English by G.F. Shveytnik. Moscow: Progress.
6. Bozhovich, L.I. (2008) *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its Formation in Childhood]. St. Petersburg: Peter.
7. Kon, I.S. (1978) *Otkrytie "Ya"* [Discovery of "I"]. Moscow: Politizdat.
8. Ginzburg, M.R. (1988) Lichnostnoe samoopredelenie kak psikhologicheskaya problema [Personal self-determination as a psychological problem]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 19–27.
9. Stolin, V.V. (1983) *Samosoznanie lichnosti* [Personal Self-Awareness]. Moscow: Moscow State University.
10. Mead, G.H. (1934) *Mind, Self and Society*. Chicago: University of Chicago Press.
11. Erikson, E. (1996) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. 2nd ed. Translated from English. St. Petersburg: Lenato, AST, Fond "Universitetskaya kniga."
12. Osipov, G.V. (ed.) (2000) *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskiy slovar'* [Sociological Encyclopedia Dictionary]. Moscow: Norma-Infra. [Online] Available from: <http://politics.ellib.org.ua/encyclopedia-term-4932.html> (Accessed: 15th March 2023).
13. Safin, V.F. & Nikov, G.P. (1984) Psikhologicheskii aspekt samoopredeleniya lichnosti [Psychological aspect of personality self-determination]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 5(4). pp. 65–73.
14. Yadov, V.A. (1985) Stanovlenie lichnosti: obshchestvennoe i individual'noe [Formation of personality: Social and Individual]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 3. pp. 66–74.
15. Hogg, M. & Reid, S. (2006) Social Identity, Self-Categorization, and the Communication of Group Norms. *Communication Theory*. 16. pp. 7–30.
16. Poletta, F. & Jasper, J. (2001) Collective Identity and Social Movements. *Annual Review of Sociology*. 27. pp. 285.
17. Zhade, Z.A. (2007) Rossiya v poiskakh regional'noy identichnosti [Russia in search of regional identity]. *Vestnik Mosk. Un-ta. Seriya 12. Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political sciences*. 6. pp. 58–67.
18. Golovneva, E.V. (2013) Regional'naya identichnost': teoreticheskie aspekty izucheniya [Regional Identity: Theoretical Aspects of Study]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2(39). pp. 81–88.
19. Achkasov, V.A. (2005) Regional'naya identichnost' v rossiyskom politicheskom prostranstve: "kaliningradskiy kazus" [Regional identity in the Russian political space: The "Kaliningrad incident"]. *Politeks: Politicheskaya ekspertiza*. 1. pp. 68–82.
20. Kuveneva, T.N. & Manakov, A.G. (2003) Formirovanie prostranstvennykh identichnostey v porubezhnom regione [The formation of spatial identities in the border region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 7(231). pp. 77.
21. Chernyshov, Yu.G. (2011) Imidzh regiona i regional'naya identichnost' (na primere Altayskogo kraia) [Image of the region and regional identity (a case study of the Altai Territory)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Politologiya"*. 5. pp. 105–112.
22. Dokuchaev, D.S. (2011) *Regional'naya identichnost' rossiyskogo cheloveka v sovremennykh usloviyakh* [The regional identity of a Russian person in modern conditions]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Ivanovo: ISU.
23. Lapin, N.I. & Belyaeva, L.A. (2010) *Programma i tipovoy instrumentariy "Sotsiokul'turnyy portret regiona Rossii" (Modifikatsiya – 2010)* [Program and standard tools "Sociocultural portrait of a Russian region" (Modification – 2010)]. Moscow: IPh RAS.
24. Kalugina, M.A. (2010) Politicheskoe soznanie sovremennoy studencheskoy molodezhi malykh i srednikh gorodov Dal'nego Vostoka Rossii [Political consciousness of modern student youth

of small and medium-sized cities of the Russian Far East]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2(13). pp. 95-102.

25. Bukhner, N.Yu. (2010) *Tipy professional'nogo samoopredeleniya studentov vuzov Altayskogo kraia (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya studentov AltGU)* [Types of professional self-determination of university students in the Altai Territory (sociological research of Altai State University students)]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Barnaul.

26. Rusanova, A.A., Lavrikova, V.N. & Filippova, E.V. (2021) *Novaya regional'naya identichnost' (na primere vkhozhdeniya Zabaykal'skogo kraia i respubliki Buryatiya v DFO)* [New regional identity (a case study of the entry of the Trans-Baikal Territory and the Republic of Buryatia into the Far Eastern Federal District)]. *Akademicheskaya nauka kak faktor i resurs innovatsionnogo razvitiya* [Academic Science as a Factor and Resource of Innovative Development]. Proc. of the Conference. Petrozavodsk, December 6, 2021. Petrozavodsk: Novaya Nauka. pp. 121–127.

Сведения об авторе:

Русанова А.А. – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии социологического факультета Забайкальского государственного университета (Чита, Россия). E-mail: rusanova_a_a@mail.ru

Лаврикова В.Н. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии социологического факультета Забайкальского государственного университета (Чита, Россия). E-mail: victoriy.lavric@mail.ru

Филиппова Е.В. – старший преподаватель кафедры социологии социологического факультета Забайкальского государственного университета (Чита, Россия). E-mail: e.v.filippova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Rusanova A.A. – Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, head of the Department of Sociology, Faculty of Sociology, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: rusanova_a_a@mail.ru

Lavrikova V.N. – Cand. Sci. (Sociology), docent, associate professor of the Department of Sociology, Faculty of Sociology, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: victoriy.lavric@mail.ru

Filippova E.V. – senior lecturer of the Department of Sociology, Faculty of Sociology, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: e.v.filippova@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 04.03.2024*

*The article was submitted 13.04.2023;
approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*